

84Р6
Р 93

Сказочная Страна

РЫЖАЯ СКАЗКА

84Р6
Р93

Сказочная
Страна

516586

РЫЖАЯ СКАЗКА

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва • 2014

Областная библиотека
для детей и юношества
г. Екатеринбург

Сергей Козлов

ЁЖИК И МОРЕ

6

РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОСУМЕРНИЧАТЬ

10

ЁЖИК В ТУМАНЕ

14

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ
ЛОВИЛИ ОСЕНЬ

18

КАК ОСЛИК, ЁЖИК И МЕДВЕЖОНОК
ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД

26

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТOK

34

ТЁПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ
ПОСРЕДИ ЗИМЫ

42

Наталья Абрамцева

СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ДОМ

52

РЫЖАЯ СКАЗКА

60

ПЁСТРАЯ СКАЗКА

68

СКАЗКА ОБ ОСЕННЕМ ВЕТРЕ

76

ЧУДО-ХОЗЯЮШКА

82

ЛУЖИЦА

88

СКАЗКА ПРО ЩЕНКА
И СТАРУЮ ТАПОЧКУ

92

Художник

Екатерина Лаврентьева

Сергей Козлов

ЁЖИК И МОРЕ

РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ
ПОСУМЕРНИЧАТЬ

ЁЖИК В ТУМАНЕ

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ
ЛОВИЛИ ОСЕНЬ

КАК ОСЛИК, ЁЖИК И МЕДВЕЖОНОК
ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТOK

ТЁПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ
ПОСРЕДИ ЗИМЫ

ЖИК И МОРЕ

Жил-был в лесу Ёжик-иголка. Был у него дом с печкой, лампочка в доме из гриба-лисички и полная кладовая припасов. Но всё Ёжику чего-то хотелось...

— Неспокойно мне, — говорил он Васильку. — Вот здесь мутит, — показывал на грудь. — К морю хочется.

Василёк никогда не видел моря и поэтому говорил:

— Зря ты печалишься, Ёжик. Посмотри, какой я красивый, взгляни, как высоки сосны, послушай, как птицы поют! И все тебя здесь, в лесу, знают и любят.

Но Ёжик с каждым днём печалился всё больше.

— Хочется мне к морю! — жаловался он Муравью.

— А какое оно? — спрашивал Муравей.

— Большое. Но я его никогда не видел.

И вот как-то ранним утром, когда в небе ещё плавали молочные звёзды, Ёжик вышел из своего домика и пошёл к морю. В лапе у него была палка, а за плечом — котомка с едой.

Сначала он шёл лесом, и птицы пели над ним, и трава, мокрая от росы, шуршала под ногами.

Потом лес кончился, и путь Ёжику преградила река.

— Эй! — крикнул Ёжик.

И по всей реке понеслось: «Эй-эй-эй!..»

— Ты чего кричишь? — спросила, подлетев, Утка.

— Переправиться надо, — сказал Ёжик.

И Утка подставила ему свою спину и перевезла на другой берег.

— Спасибо, Утка, — сказал Ёжик и зашагал дальше.

Теперь он шёл по огромному лугу. Трещали кузнечики, звенели стеклянными крылышками стрекозы, и где-то высоко в небе распевал жаворонок...

Долго ли шёл Ёжик, коротко ли, вышел он к морю.

— Здравствуй, море! — сказал Ёжик.

— Здравствуй, Ёжик! — сказала море.

И накатилась волна. «Пффф-ф!.. — ударила она в берег. — Шшшш...» — зашуршала по камушкам, отступая.

И Ёжик тоже сделал шаг вперёд и сказал: «Пффф-ф!.. — и, отбежав немного: — Шшш-ш!..»

— Я на тебя похож, да?

— Очень! — сказало море. И снова ударило волной в берег.

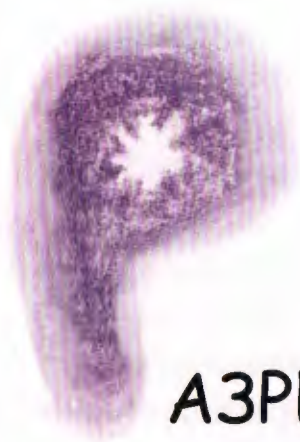
Целый день Ёжик играл с морем: то подбегал к самой воде, то отбегал прочь.

Засыпая на песке под скалой, он поёживался, и ему казалось, что он тоже — маленькое море на четырёх лапах.

«Пффф-ф!.. — бормотал он себе под нос. — Шшш-ш!..»

И подымал и опускал иголки.

АЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОСУМЕРНИЧАТЬ

— Заяц просится посумерничать.

— Пускай сумерничает, — сказал Ёжик и вынес на крыльцо ещё одно плетёное кресло.

— Можно войти? — спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ёжиком.

— Входи, — сказал Ёжик.

Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половичок.

— Три, три! — сказал Медвежонок. — Ёжик любит, чтобы было чисто.

— Можно сесть? — спросил Заяц.

— Садись, — сказал Медвежонок.

И Ёжик с Медвежоном тоже сели.

— А как мы будем сумерничать? — спросил Заяц.

Ёжик промолчал.

— Сиди в сумерках и молчи, — сказал Медвежонок.

— А разговаривать можно? — спросил Заяц.

Ёжик опять промолчал.

— Говори, — сказал Медвежонок.

— Я в первый раз сумерничаю, — сказал Заяц, — поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?

— Мы не сердимся, — сказал Ёжик.

— Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...

— И чего? — спросил Медвежонок.

— А ничего. Темно стало, — сказал Заяц. — Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошусь, думаю, посумерничать с Ёжиком и Медвежонком. Вдруг пустят?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— А мы уже сумерничаем? — спросил Заяц.

Ёжик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Зайца.

— А можно, сумерничая, петь? — спросил Заяц.

Ёжик промолчал.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— А что?

Никто ему не ответил.

— А можно весёлое? Давайте я весёлое спою, а то зябо как-то?

— Пой, — сказал Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — завопил Заяц.

И Ёжику сделалось совсем грустно. Медвежонку было неловко перед Ёжиком, что вот он притащил Зайца и Заяц мелет не разбери чего, а теперь ещё воет песню. Но Медвежонок не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Зайцем.

— Ля-ля-лю-лю! — вопил Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — пел Заяц.

А сумерки сгущались, и Ёжику просто больно было всё это слышать.

— Давайте помолчим, — сказал Ёжик. — Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались. Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

— А что, — шёпотом спросил Заяц, — теперь делать?

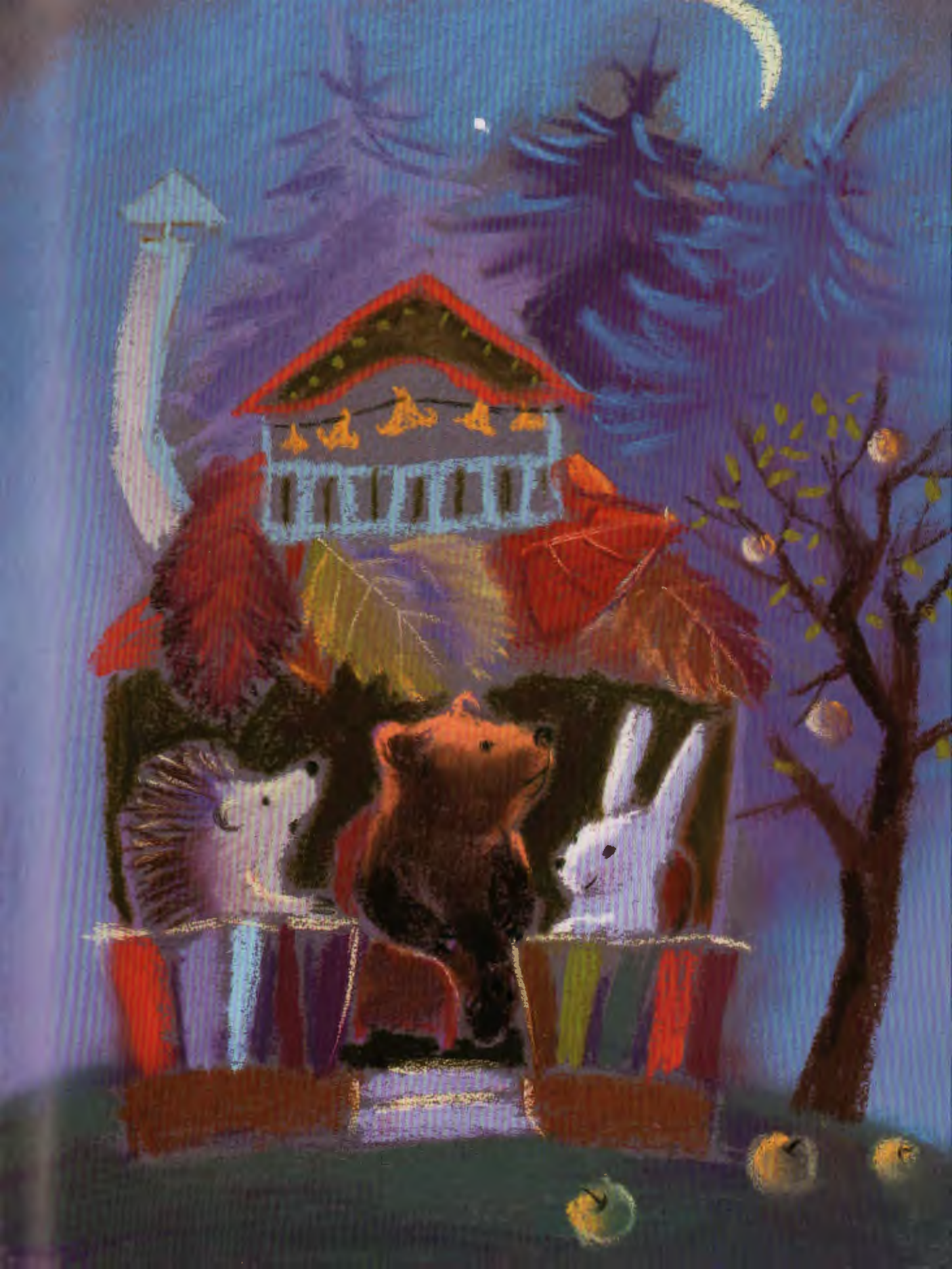
— Шшш! — сказал Медвежонок.

— Это мы сумерничаем? — прошептал Заяц.

Медвежонок кивнул.

— До темноты — молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны. От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее: они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.

ЖИК В ТУМАНЕ

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках. Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

«Ммм-у!..» — вздохнула корова за рекой. Залаяла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нём по грудь, и теперь казалось — большая белая утка плывёт в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ёжик сидел на горке под сосной и смотрел на освещённую лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему всё это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

«Расскажу — не поверят!» — подумал Ёжик и стал смотреть ещё внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

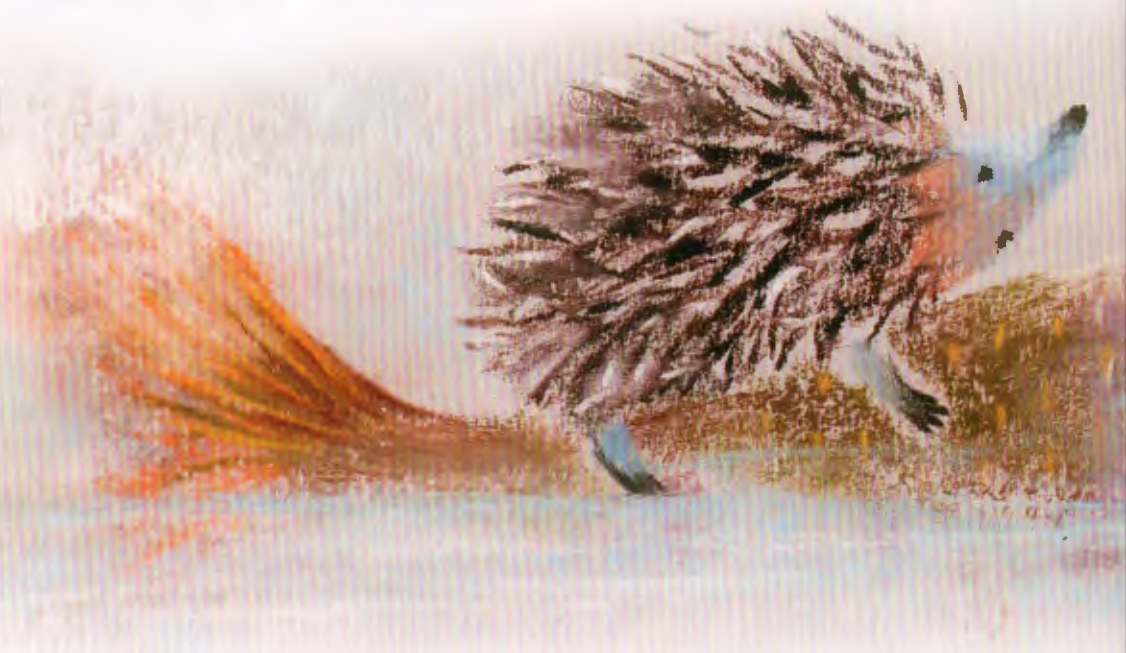
«Вот и звезда упала, — заметил он, — и трава наклонилась влево, и от ёлки осталась одна вершина, и теперь она плывёт рядом с лошадью...

А интересно, — думал Ёжик, — если лошадь ляжет спать, она захлебнётся в тумане?»

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

— Вот, — сказал Ёжик. — Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! — позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

«Где же лошадь?» — подумал Ёжик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко вверх сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит.

Бул-тых!..

«Я в реке!» — сообразил Ёжик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ёжик даже не знал, где берег.

«Пускай река сама несёт меня!» — решил он.

Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ёжик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Извините, — беззвучно сказал кто-то, — кто вы и как сюда попали?

— Я — Ёжик, — тоже беззвучно ответил Ёжик. — Я упал в реку.

— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.

Ёжик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Спасибо! — вслух сказал он.

— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.

«Вот так история... — размышлял Ёжик, отряхиваясь. — Разве кто поверит?!»

И заковылял в тумане.

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ ЛОВИЛИ ОСЕНЬ

Весь день шёл дождь, ночью перестал, к утру похолодало.

Ёжик с Медвежонок вышли на крыльцо, постояли немного, вдыхая холодный воздух.

Всё вокруг было непонятно: деревья стояли зелёные, жёлтых листьев было ещё совсем мало, и всё равно — за каждым стволом сидела осень.

— Видишь? — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок. — Так и глядит.

— Вот бы её поймать!

— А давай, — Медвежонок чуть не поперхнулся. — Давай поймаем и закрём в чулан. Представляешь? Закрём её в чулан, и сразу — лето!

— Она невидимая, — сказал Ёжик.

— Это если лапами. Лапами, конечно, не возьмёшь. Нужен загон и сеть, понял? Вот так — сеть, а оттуда — гнать.

— Надо звать Зайца, — сказал Ёжик.

— И Белку.

- А сеть какую?
- Окуньковую.
- Да ты что? Так тебе осень в окуньковую и ползет!
- А что, карась красный, и она...
- При чём здесь карась? Сеть-то окуньковая!
- Окуньковая, карасиная, — поймаем!
- Неси, — сказал Ёжик. — Я позову Зайца.
- Белку не забудь! — И Медвежонок убежал.
- Заяц! Заяц! — закричал Ёжик, колотя палкой по чёрным стволам. — Белка!
- Чего? — прибежал Заяц.
- Где Белка?
- А зачем?
- Будем осень ловить, — шёпотом сказал Ёжик. — Только — тсс!

— Здорово! Белка! — закричал Заяц. — А чем ловить?
— Сетью, — сказал Ёжик. — Сюда — сеть, а оттуда — гнать.

— Нужен барабан, — сказал Заяц. — И свистулька. Я буду барабанить, а Белка — свистеть. Белка! Белка! — снова закричал он.

Прибежала Белка.

— Иди поближе, я что-то скажу! — И зашептал.

— Осень? — удивилась Белка. — А что мы с ней сделаем?

— Запрём в чулан, — сказал Ёжик.

— И сразу — лето! — крикнул Заяц.

— Тсс!.. Тише! — сказала Белка. — Услышит и убежит.

С сетью на плече прибежал Медвежонок.

— Уфф!.. — сказал он. — Помогайте!

И все вместе растянули сеть от берёзы к ёлочке.

— Камушки! Камушки! — верещал Заяц. — Камушками прижми!

— А теперь, — сказал Медвежонок, — ты с Зайцем и Белкой иди оттуда, а я...

— А барабан? — вспомнил Заяц. Прыгнул, пропал и тут же явился с барабаном и свистулькой в лапах.

— Мы все пойдём оттуда, — сказал Ёжик. — А ты, Медвежонок, прячься и, как только она попадётся, — сворачивай.

— Я крикну, — пообещал Медвежонок.

И все убежали, а Медвежонок залез под ёлочку.

Было тихо-тихо, только маленький золотой лист, трепеща, всё никак не мог сесть в траву.

И вот где-то вдали ударил барабан, залилась свистулька и Ёжикиным срывающимся голосом закричало: «А-а-а!..»

«Гонят!» — Медвежонок во все глаза стал глядеть на окуньковую сеть.

«Гонят, гонят, гонят!» — застучало у него в висках, и сердце забилося.

«Бум-бум-бум! Фью-ю! А-а-а!..» — несло по лесу.

Медвежонок так смотрел, что у него заболели глаза, и когда «бум-бум!» и «фью!» приблизились, ему вдруг показалось: из-за старой ёлки что-то выскочило и запуталось в окуньковой сети.

— На помощь! — закричал Медвежонок и упал животом на невидимое что-то, и это «что-то», казалось Медвежонку, шевелилось и попискивало.

— Что? Что? Где? — вылетели на поляну Заяц, Белка и Ёжик.

— Здесь, — хрипя, дышал Медвежонок. — Посвистывает.

— Это осень, — сказал Заяц. — Осень всегда свистит.

— Закатывай! — крикнула Белка.

И они закатали осень вместе с Медвежонком и поволокли в дом.

— В чулан! В чулан их! — командовал Ёжик.

— Выпустите меня! — попросил Медвежонок.

— Потерпи, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок, — сказал Заяц.

И Медвежонка вместе с осенью заперли в чулан.

— Выпустите меня! — просил Медвежонок.

— Если мы тебя выпустим, вместе с тобой убежит осень, — сказал Заяц.

— Ага. И опять пойдёт дождь, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок! Вот увидишь, сейчас появится солнце, — пообещал Ёжик.

Ждали до вечера, а потом устали и легли спать. А когда утром проснулись, за окном было белым-бело, а снег всё летел и летел большими лёгкими хлопьями.

— Глупые мы! — сказала Белка. — Заперли в чулан осень, а ведь после осени-то — зима!

И они выпутали Медвежонка, выбежали под летящий снег и долго-долго трясли окуньковую сеть, чтобы выпустить обратно в сентябрьский лес золотую осень.

КАК ОСЛИК, ЁЖИК И МЕДВЕЖОНОК ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД

Всю предновогоднюю неделю в полях бушевала выюга. В лесу снегу намело столько, что ни Ёжик, ни Ослик, ни Медвежонок всю неделю не могли выйти из дому.

Перед Новым годом выюга утихла, и друзья собрались в доме у Ёжика.

— Вот что, — сказал Медвежонок, — у нас нет ёлки.

— Нет, — согласился Ослик.

— Не вижу, чтобы она у нас была, — сказал Ёжик. Он любил выражаться замысловато в праздничные дни.

— Надо пойти поискать, — сказал Медвежонок.

— Где же мы её сейчас найдём? — удивился Ослик. — В лесу-то темно...

— И сугробы какие!.. — вздохнул Ёжик.

— И всё-таки надо идти за ёлкой, — сказал Медвежонок.

И все трое вышли из дома.

Выюга утихла, но тучи ещё не разогнало, и ни одной звёздочки не было видно на небе.

— И луны нет! — сказал Ослик. — Какая тут ёлка?!

— А на ощупь? — сказал Медвежонок. И пополз по сугробам.

Но и на ощупь он ничего не нашёл. Попадались только большие ёлки, но и они всё равно бы не влезли в Ёжикин домик, а маленькие все с головой засыпало снегом.

Вернувшись к Ёжику, Ослик с Медвежонком загрустили.

— Ну, какой это Новый год!.. — вздыхал Медвежонок.

«Это если бы какой-нибудь осенний праздник, так ёлка, может быть, и не обязательна, — думал Ослик. — А зимой без ёлки — нельзя».

Ёжик тем временем вскипятил самовар и разливал чай по блюдечкам. Медвежонку он поставил баночку с мёдом, а Ослику — тарелку с лопушками.

О ёлке Ёжик не думал, но его печалило, что вот уже пол-месяца как сломались его часы-ходики, а часовщик Дятел обещался, да не прилетел.

— Как мы узнаем, когда будет двенадцать часов? — спросил он у Медвежонка.

— Мы почувствуем! — сказал Ослик.

— Это как же мы почувствуем? — удивился Медвежонок.

— Очень просто, — сказал Ослик. — В двенадцать часов нам будет уже ровно три часа хотеться спать!

— Правильно! — обрадовался Ёжик.

И, немного подумав, добавил:

— А о ёлке вы не беспокойтесь. В уголке мы поставим табуретку, я на неё встану, а вы на меня повесите игрушки.

— Чем не ёлка? — закричал Медвежонок.

Так они и сделали. В уголок поставили табуретку, на табуретку встал Ёжик и распушил иголки.

— Игрушки — под кроватью, — сказал он.

Ослик с Медвежонком достали игрушки и повесили на верхние лапы Ёжику по большому засушенному одуванчику, а на каждую иголку — по маленькой еловой шишечке.

— Не забудьте лампочки! — сказал Ёжик.

И на грудь ему повесили три гриба-лисички, и они весело засветились — такие они были рыжие.

— Ты не устала, Ёлка? — спросил Медвежонок, усаживаясь и отхлёбывая из блюдечка чай.

Ёжик стоял на табуретке, как настоящая ёлка, и улыбался.

— Нет, — сказал Ёжик. — А сколько сейчас времени? Ослик дремал.

— Без пяти двенадцать! — сказал Медвежонок. — Как Ослик заснёт, будет ровно Новый год.

— Тогда налей мне и себе клюквенного сока, — сказал Ёжик-Ёлка.

— Ты хочешь клюквенного сока? — спросил Медвежонок у Ослика.

Ослик почти совсем спал.

— Теперь должны бить часы, — пробормотал он.

Ёжик аккуратно, чтобы не испортить засушенный одуванчик, взял в правую лапу чашечку с клюквенным соком, а нижней, притоптывая, стал отбивать часы.

— Бам! бам! бам! — приговаривал он.

— Уже три, — сказал Медвежонок. — Теперь давай ударю я!

Он трижды стукнул лапой об пол и тоже сказал:

— Бам! бам! бам!.. Теперь твоя очередь, Ослик!

Ослик три раза стукнул об пол копытцем, но ничего не сказал.

— Теперь снова я! — крикнул Ёжик.

И все, затаив дыхание, выслушали последние: «Бам! бам! бам!»

— Ура! — крикнул Медвежонок, и Ослик уснул совсем.

Скоро заснул и Медвежонок.

Только Ёжик стоял в уголке на табуретке и не знал, что ему делать. И он стал петь песни и пел их до самого утра, чтобы не уснуть и не сломать игрушки.

НЕЖНЫЙ ЦВЕТОК

— Ав! ав! ав! — лаяла собака.

Падал снег — и дом, и бочка посреди двора, и собачья конура, и сама собака были белые и пушистые.

Пахло снегом и новогодней ёлкой, внесённой с мороза, и запах этот горчил мандаринной корочкой.

— Ав! ав! ав! — опять залаяла собака.

«Она, наверное, унюхала меня», — подумал Ёжик и стал отползать от домика лесника.

Ему было грустно одному идти через лес, и он стал думать, как в полночь он встретится с Осликом и Медвежонком на Большой поляне под голубой ёлкой.

«Мы развесим сто рыжих грибов-лисичек, — думал Ёжик, — и нам станет светло и весело. Может быть, прибегут зайцы, и тогда мы станем водить хоровод. А если придёт Волк, я его уколою иголкой, Медвежонок стукнет лапой, а Ослик копытцем».

А снег всё падал и падал. И лес был такой пушистый, такой лохматый и меховой, что Ёжику захотелось вдруг сделать что-то совсем необыкновенное: ну, скажем, взобраться на небо и принести звезду.

И он стал себе представлять, как он со звездой опускается на Большую поляну и дарит Ослику и Медвежонок звезду.

«Возьмите, пожалуйста», — говорит он. А Медвежонок отмахивается лапами и говорит: «Ну, что ты! У тебя ведь одна...» И Ослик рядом кивает головой — мол, что ты, у тебя ведь всего одна! — а он всё-таки заставляет их послушаться, взять звезду, а сам снова убегает на небо.

«Я вам пришлю ещё!» — кричит он. И когда уже поднимается совсем высоко, слышит еле доносящееся: «Что ты, Ёжик, нам хватит одной!..»

А он всё-таки достаёт вторую и вновь опускается на поляну — и всем весело, все смеются и пляшут.

«И нам! И нам!» — кричат зайцы.

Он достаёт и им. А для себя ему не надо. Он и так счастлив, что весело всем...

«Вот, — думал Ёжик, взбираясь на огромный сугроб, — если б рос где-нибудь цветок „ВСЕМ-ВСЕМ

ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕСЕЛО“, я бы раскопал снег, достал его и поставил посреди Большой поляны. И зайцам, и Медвежонку, и Ослику — всем-всем, кто бы его увидел, сразу стало хорошо и весело!»

И тут, будто услышав его, старая пушистая Ёлка сняла белую шапку и сказала:

— Я знаю, где растёт такой цветок, Ёжик. Через двести сосен от меня, за Кривым оврагом, у обледенелого пня, бьёт Незамерзающий Ключ. Там, на самом дне, стоит твой цветок!

— Ты мне не приснилась, Ёлка? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказала Ёлка и снова надела шапку.

И Ёжик побежал, считая сосны, к Кривому оврагу, перебрался через него, нашёл обледенелый пенёк и увидел Незамерзающий Ключ.

Он наклонился над ним и вскрикнул от удивления.

Совсем близко, покачивая прозрачными лепестками, стоял волшебный цветок. Он был похож на фиалку или подснежник, а может быть, просто на большую снежинку, не тающую в воде.

Ёжик протянул лапу, но не достал. Он хотел вытащить цветок палкой, но побоялся поранить.

«Я прыгну в воду, — решил Ёжик, — глубоко нырну и осторожно возьму его лапами».

Он прыгнул и, когда открыл под водой глаза, не увидел цветка. «Где же он?» — подумал Ёжик. И вынырнул на берег.

На дне по-прежнему покачивался чудесный цветок.

— Как же так!.. — заплакал Ёжик. И снова прыгнул в воду, но опять ничего не увидел.

Семь раз нырял Ёжик в Незамерзающий Ключ...

Продрогший до последней иголки, бежал он через лес домой.

«Как же это? — всхлипывал он. — Как же так?» И сам не знал, что на берегу превращается в белую, как цветок, снежинку.

И вдруг Ёжик услышал музыку, увидел Большую поляну с серебряной ёлкой посередине, Медвежонка, Ослика и зайцев, водящих хоровод.

«Тара-тара-та́м-та-та!..» — играла музыка. Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество.

— Ой! — воскликнул Ослик. — Какой удивительный снежный цветок!

Все закружились вокруг Ёжика и, улыбаясь, танцуя, стали любоваться им.

— Ах, как всем-всем хорошо и весело! — сказал Медвежонок. — Какой чудесный цветок! Жаль только, что нет Ёжика...

«Я здесь!» — хотел крикнуть Ёжик.

Но он так продрог, что не мог вымолвить ни слова.

ЁПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ

«Бывает же — топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: вот она какая, большая зима! И вдруг просыпаешься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует вьюга, но нет, звук не такой, а далёкий какой-то, очень знакомый звук. Что же это? И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо — лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима? Тогда сбегает с крыльца и видишь... лужу. Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идёт пар. Что же это? А это ночью прошёл дождь. Большой, сильный дождь. И смысл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим тёплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? — думал Медвежонок. — Топить печку или нет? Щепать на растопку лучинки или не надо? И вообще, как это так — опять лето?»

И Медвежонок побежал к Ёжику посоветоваться.

Ёжик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

— Не понимаю, — бормотал Ёжик, — как это так — ливень посреди зимы?

И тут прибежал Медвежонок.

— Ну что? — ещё издали крикнул он.

— Что-что? Печку затопил? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

— Лучинок нащепал?

— Не-а, — сказал Медвежонок.

— А что же ты делал?

— Думал, — сказал Медвежонок.

— Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ёжикиного дома и думать вместе.

— Как ты думаешь, — сказал Ёжик. — Если прошёл дождь и теперь туман, может ещё быть мороз?

— Не думаю, — сказал Медвежонок.

— Значит, если мороза быть не может, значит, может быть только тепло.

— Значит, — сказал Медвежонок.

— А чтобы было тепло — должно появиться солнце.

— Должно, — сказал Медвежонок.

— А когда солнышко, хорошо быть на реке.

— Я бы в жизни не догадался, — сказал Медвежонок.

— Тогда давай возьмём и позавтракаем у реки, — предложил Ёжик.

— Угу, — сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мёд, чайник, чашки и пошли к реке.

— Куда вы это идёте? — спросила Белка.

— К реке, — сказал Ёжик. — Завтракать.

— Возьмите меня с собой!

— Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом.

Встретился им Заяц.

— Тепло, хорошо, — сказал Заяц. — Вы куда идёте?

— К реке, — сказала Белка. — Завтракать.

— И я с вами, ага?

— Идём, — сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

— А я уж заснул, — сказал он. — А тут — вода! Куда это вы?

— Завтракать, к реке, — сказал Заяц. — Идём с нами!

— У меня еда с собой, — сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой, — только чашки нету. — И пошёл следом.

Пришли к реке, развели костёр, сели завтракать.
Выглянуло солнце.

Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей.

Туман растаял.

— Если б не дождь, — щурясь, сказал Хомячок, — так бы и не увиделись до весны.

— Если б не дождь, — сказала Белка, — уж так бы не попрощались.

— Если б не Ёжик, — сказал Медвежонок, — никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать на реке.

А Ёжик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину, птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой, и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось тепло этому зимнему лесу?

Наталья Абрамцева

СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ДОМ

РЫЖАЯ СКАЗКА

ПЁСТРАЯ СКАЗКА

СКАЗКА
ОБ ОСЕННЕМ ВЕТРЕ

ЧУДО-ХОЗЯЮШКА

ЛУЖИЦА

СКАЗКА ПРО ЩЕНКА
И СТАРУЮ ТАПОЧКУ

КАЗКА ПРО СТАРЫЙ ДОМ

Дом был старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полах.

Когда-то в доме жили люди. Давно. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. И дом расстроился. Стал скучать и стареть.

И сад вокруг дома тоже скучал — скучал и даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов — высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот так и жил старый, заброшенный дом в старом, заброшенном саду. Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползало из-под снега кривое крылечко, дом и сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывая старыми досками и ветками. И дом говорил:

— А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю, — неуверенно отвечал сад.

— Мы должны подготовиться к встрече, — говорил дом.

— Конечно, — соглашался сад.

Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в дом через трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом через вечно открытую дверь вылетал в старый сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки, помогал, очень осторожно, развёртываться нежным лепесткам диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка.

Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Ведь стёкла всё-таки. Пусть и разбитые. Ещё дождь своими сильными струями расчёсывал уже густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелёными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождём приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало дом. Гладило золотыми лучами стёкла в паутине трещин — чтоб блестели ярче. Золотило старые наличники на окнах. Потом лучи солнца скользили по саду. Заглядывали в каждый крохотный цветок дикой сирени, чтобы те светились маленькими искорками.

Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена кое-каких цветов, но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце.

А одна ромашка ухитрилась поселиться даже на крыше в какой-то щёлочке.

Так ветер, дождь и солнце помогали готовиться заброшенному дому и старому саду к встрече людей.

Дом и сад ждали. Но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на дом и сад, уходили.

— Это старый дом, — говорили люди, — у него разбиты окна, и крыша съехала совсем набок, и крыльцо развалилось. Разве это дом?

— Да, конечно, — соглашались другие люди, — и сад тоже совсем заброшен. Яблоки мелкие, вишни кислые. А крапивы сколько-о-о! А трава-то как разрослась... Разве это сад?

— Нет, — решали люди, — лучше мы построим новый, красивый дом и вырастим новый, замечательный сад.

И люди уходили. Дом и сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали, ждали...

И дождались.

На покрытом пылью долгих дорог велосипеде к дому подъехал человек. За спиной рюкзак. На багажнике — огромный чемодан с разноцветными наклейками. Через плечо — яркая дорожная сумка. На другом плече — фотоаппарат. На голове — широкополая шляпа. Конечно же, это бывалый путешественник. А путешественники, как известно, любят всякие странности.

Дом с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, сад, в котором ветви диких яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются тёмно-зелёные лопухи, похожие на огромные зонтики, — разве это не странность? Почти волшебная странность.

— Ах,— сказал путешественник, — какое чудо! Заколдованная избушка в заколдованном лесу.

«Вовсе мы не заколдованные, — подумали дом и сад, — мы заброшенные».

— Ах! — снова сказал путешественник. — Какая прелесть! И он защёлкал фотоаппаратом.

«Мы — прелесть... Мы — чудо...» — почти задохнулись от радости, смущения, неожиданности дом и сад.

— Пожалуй, я поживу здесь, — решил путешественник. И путешественник вместе со своим усталым велосипедом, тяжёлым рюкзаком, чемоданом с наклейками, дорожной сумкой и, конечно же, с фотоаппаратом поселился в заброшенном доме и одичавшем саду.

Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблоки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки величиной с огромные воздушные шары.

Трещины на стёклах сложились в весёлые рисунки. Крылечко перестало просто скрипеть, оно стало чирикать очень музыкально. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, с удовольствием и лёгкостью открывалась и закрывалась.

Почему же так вышло? Смешной вопрос... Ясно, почему...

А потом? Потом путешественнику пришло время отправляться в путь. Ведь он путешественник.

И что же получилось? То, что и должно было получиться: жили-были заброшенный дом и заброшенный старый сад...

И потом пришла зима. Повалил снег. Снег. Снег. Сугробы в одичавшем саду. Сугробы на развалившемся крылечке. Сугробы на покосившейся крыше. Тяжёлый зимний сон.

...А потом пришла весна. Прилетел тёплый весенний ветер. Застучал тёплый весенний дождь. Тёплое весеннее солнце расправило длинные хрупкие лучи.

И старый дом сказал:

— А не думаешь ли ты, сад, что и в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю, — ответил сад.

РЫЖАЯ СКАЗКА

Рыжая кошка была такой маленькой, что ещё не успела узнать о том, что рыжих кошек на свете не так уж много. Гораздо меньше, чем, например, серых. И о том, что рыжий цвет — не простой, как, скажем, цвет серый. Зато маленькая кошка знала, что такое друг. Её друга звали Солнце.

Они познакомились недавно на крылечке дома. Солнце проплывало по небу и увидело внизу что-то очень рыжее. Солнце прищурилось и спросило:

— Это кто там? Не мой солнечный зайчик?

Рыжка (в золотых лучах она правда казалась чем-то солнечным) подняла мордочку и ответила обиженно:

— Какой же я зайчик? Я — кошка. Меха́вая, а вовсе не солнечная.

— Точно, рыжая кошка. Да ты не обижайся. Разглядеть трудно: маленькая очень.

— Вырасту!

— Конечно, — прозвенело Солнце. — А мне показалось, зайчик мой сбежал без разрешения. Непорядок ведь?

Так они и подружились. Доброе взрослое Солнце проплывало над крылечком в полдень. Медленно, чтобы Рыжка погрелась в его лучах. А ещё Солнце рассказывало ей, что происходит в небе, какая туча с какой молнией поссорились и какое облако за какую горную вершину зацепилось.

А маленькая рыжая кошка рассказывала Солнцу, как живут люди в своём красивом летнем доме.

Но однажды Солнце не пришло. Рыжка удивилась, посмотрела в небо и увидела серые тучи.

— Наверное, тучи задерживают Солнце. Пойду навстречу, — решила она и осторожно спустилась с крылечка на садовую дорожку.

Раньше Рыжка не гуляла по дорожке: боялась уходить от крыльца. Но она знала, что дорожка идёт в ту сторону, откуда приходило Солнце.

Маленькая рыжая кошка шла медленно, осторожно ставя лапки на дорожку. Вдруг тихий смех. Слева — роскошные ярко-красные маки.

— Вы мне смеётесь? — спросила Рыжка.

— Не тебе, а над тобой, — прошелестели маки.

— Почему?..

— Ну-у-у... Ты же смешная...

— Почему?

— Ну-у-у... Ты рыжая...

— Да, — согласилась кошка, — рыжая. А почему смешная?

— Так ведь рыжая!

Маленькая кошка не понимала, почему смеялись маки, но ей казалось, что смеялись не весело, а насмешливо.

— Ну и ладно, — просто так, сама не зная о чём, сказала маленькая кошка и пошла дальше. Слышит — кто-то тихо фыркнул и сказал:

— Совсем, совсем рыжая!

Маленькая кошка оглянулась и обрадовалась. Справа от дорожки расположилась стайка невысоких цветов. Цветом своим очень похожих на неё. Люди называют их ноготками.

— Привет, — весело сказала Рыжка, — и вы, и я — рыжие. Хорошо! А вот некоторые считают рыжий цвет... — И она замолчала. Потому что цветки-ноготки резко подняли лепестки и захлопнулись. Только один, наверное главный, цветок не закрылся и очень рассерженно посмотрел на маленькую кошку:

— Как ты смеешь называть нас рыжими? Это ты — рыжая.

— Да я-то, конечно, я знаю. Но разве вы не рыжие тоже?

— Нет! — совсем рассердился цветок-ноготок. — Мы оранжевые. — И он тоже закрылся.

Маленькая рыжая кошка пошла дальше. Ей было грустно: и Солнце не нашлось, и стало совершенно ясно, что рыжий цвет нравится не всем.

Наконец дорожка уткнулась в маленькую клумбу, на которой рос большущий куст прекрасных белых лилий.

— Ой! — только и могла сказать восхищённая Рыжка.

Одна чудесная белая головка склонилась, и лилия сказала томно:

— Ах, не надо восхищений. Они однообразны и утомительны.

— Хорошо, я восхищаться не буду, хотя вы очень красивы, — маленькая кошка, не раздумывая, подчинилась прекрасным цветам, — не буду, а спросить вас можно? Посоветоваться.

Гордые цветы были удивлены или, представь, польщены. Совета у них никто никогда не спрашивал. Ими только любовались.

— Скажите, — немного замаялась Рыжка, — вот некоторым кажется, что рыжий цвет то ли плохой, то ли... ну... в общем, смеются... Вы не стали бы смеяться? Не стали бы? Правда?

— Конечно, мы не станем смеяться над тобой. Это недостойно нас.

— Что значит недостойно вас? — чуть насторожилась маленькая кошка.

— Это значит, что сами мы так прекрасны, что должны притвориться, будто не видим, что ты рыжая, — ответила самая красивая лилия.

— Будто не видите?

— Да.

— А если всё-таки...

— Нет. Мы хорошо воспитаны..

— А другие цветы?

— Многие цветы, — прекрасная лилия смутилась, — по-проще нас, могут вспомнить, — она заговорила шёпотом, — детскую песенку-дразнилку: «Рыжий-рыжий, конопатый...» Дальше там тоже насмешливые слова.

— «Конопатый»... — задумчиво повторила маленькая рыжая кошка. — Ещё и конопатый! — И она прикрыла лапкой нос, на котором ухитрились поместиться полторы веснушки.

А потом кошка, хоть и маленькая, выпустила коготки.

— Вы не видите? Так я сама говорю всем! Всем на свете! Я — рыжая, рыжая-прерыжая! Ясно? Ясно вам? — и заплакала маленькая кошка. Горько и громко.

Не плачь, кошка, всё хорошо. Солнце вернулось!

— Солнце, Солнце, — стала рассказывать маленькая кошка, — я совсем рыжая, очень рыжая. Что же мне делать?

— Радоваться, сестричка, — спокойно ответило Солнце.

— Чему? — удивились цветы. — И почему она — ваша сестра? Вы шутите, Золотой Цветок неба! — Цветы иногда любили пустые красивые слова.

— Я не цветок, я просто обыкновенное небесное светило, — скромно сказал Солнце, — и я не золотое, я — рыжее.

— Рыжее???

— Да. Я — жёлтое? Нет, одуванчик жёлтый. Я — золотое? Нет, золотые шары — золотые. Я — красное или оранжевое? Нет, маки — красные, ноготки — оранжевые. И конечно, никто не скажет, что я — белое, как лилия. Выходит, я — рыжее.

— И я рыжая! Как Солнце, как Солнце! — запрыгала маленькая кошка.

— Мы, знаете ли, родственники, — улыбнулось Солнце. Молчали маки, ноготки, лилии. Зато раздался препротивный голос старой вороны. Она и прекрасные лилии, как это ни странно, дружили.

— Что кошка рыжая, как вы, Солнце, не спор-рю, — каркнула ворона, — а как с веснушками? У неё целых полторы. А у вас — нет! Как же вы без веснушек?

— Как? — испугалась маленькая кошка.

— Плохо, — вздохнуло Солнце, — мне веснушек очень не хватает. Вы, уважаемая старая ворона, конечно, знаете, веснушки — это подарок самой красавицы Весны. На всех подарков не хватило. Маленькой кошке хватило, а мне и вам — нет. Не повезло нам с веснушками, дорогая старая ворона. — Так сказал Солнце и добавило: — Пошли, Рыжка, а то мы с тобой до крылечка никак не доберёмся.

- Пошли, — согласилась маленькая кошка, а обернувшись, всё-таки сказала: — Не повезло вам всем с веснушками!
- Сначала Солнце и кошка молчали. Потом Рыжка спросила:
- Они всегда будут злыми?
- Они не злые, — спокойно ответило Солнце, — они глупые и не понимают, что рыжая кошка — это так же красиво, как белые лилии.
- Да?!
- Да.
- Я тоже не понимаю, — сказала маленькая кошка.
- Я же говорило: маленькая ты очень. Вот и не понимаешь.
- Вырасту.
- Конечно, — согласилось Солнце.

ЁСТРАЯ СКАЗКА

Эта сказка — о цветах. Не о тех, что растут в поле или в саду. О цветах — красках, оттенках. Их гораздо больше, чем в обыкновенной полосатой радуге. Семь цветов, и всё? Разве это так? А розовый? А васильковый? А просто белый или просто чёрный? Радуга их прячет, но они есть. И всегда рады нам показаться, подмигнуть, удивить нас.

Вот возьмёт жёлтый цвет и обернётся жёлтым одуванчиком, или жёлтым цыплёнком, или маленьким грибочком лисичкой — здесь жёлтому немного поможет оранжевый цвет. Или, к примеру, чёрный цвет пошепчется с белым, и получится, может быть, зебра, может быть, школьная тетрадка, может быть, клавиши пианино.

Цвета-краски живут в мире и согласии. Дружат, помогают друг другу. Друг друга дополняют, оттеняют, подчёркивают красоту каждого. Тёмно-зелёный, почти малахитовый цвет старых ёлок, просто зелёный цвет травы, бледно-зелёный (его называют фисташковым) цвет молодых листочков так привязаны друг к другу, что трудно решить, давние ли они друзья или близкие родственники.

Вот ещё два цвета: жёлтый и лиловый. Такие разные... А поссорились хоть раз? Думаю, нет. Иначе могла ли быть такой красивой клумба, на которой попеременно растут ярко-жёлтые и тёмно-лиловые тюльпаны? И откуда бы взялся наполовину жёлтый, наполовину лиловый цветок иван-да-марья?

Цвета-краски знают о том, что от ссор можно побледнеть, потускнеть, стереться. Да и просто не хотят, не любят цвета ссориться, поэтому и живут спокойно и вечно. Такие уж они есть, все, кроме двух — синего и красного.

А эти чудесные цвета очень нужны, очень красивы. Это правда, это все краски и оттенки знают. Но никто не стремится узнать: красный ярче синего или синий красивее красного. Зачем? Поэтому со всеми другими цветами синий и красный в полном согласии, но между собой...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

О чём они спорят? Обо всём, по порядку, по очереди, каждый день, каждый час. Очень сердито.

— Я, красный цвет, нужнее, чем вы, синий! — распалялся красный. — Нужнее, потому что само солнце красное!

Жёлтый, оранжевый, рыжий, золотой, розовый, багряный и множество других цветов промолчали из вежливости, хотя были дружны с солнцем не меньше цвета красного.

— Нет, — возмущался синий, — нет! Не вы, цвет красный, а я, синий, важнее людям! Потому что само небо синее!

Голубой, серый, розовый, чёрный (ночь есть ночь), печально-лиловый и ещё многие-многие оттенки и цвета тоже промолчали,

сделав вид, что ничего не слышали. И правильно: зачем спорить, если ничего не докажешь.

— Ух, — не отставал красный цвет, — всё равно я сильнее. Потому что я... Потому что огонь... Огонь... — а он может всё — он красный!

И снова промолчали оранжевый, жёлтый, золотой и вся тысяча, а может быть, миллион цветов и самых маленьких оттенков, без которых огня и на свете не было бы.

А синий цвет кричал:

— Я сильнее! Захочу — погашу огонь. Я — синий цвет, я — цвет воды. Я — реки, озёра, моря, океаны.

Промолчали цвета морской волны, голубые, зеленоватые, промолчал белый цвет пены морского прибоя, промолчал

серебряный цвет замёрзшей воды — океанских айсбергов. Молча вздохнули эти цвета. Они не хотели гасить огонь — без него темно и холодно. Но знали они, что если синий цвет решил, что он самый-самый, словами его не переубедить. Должно что-то произойти, а пока...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

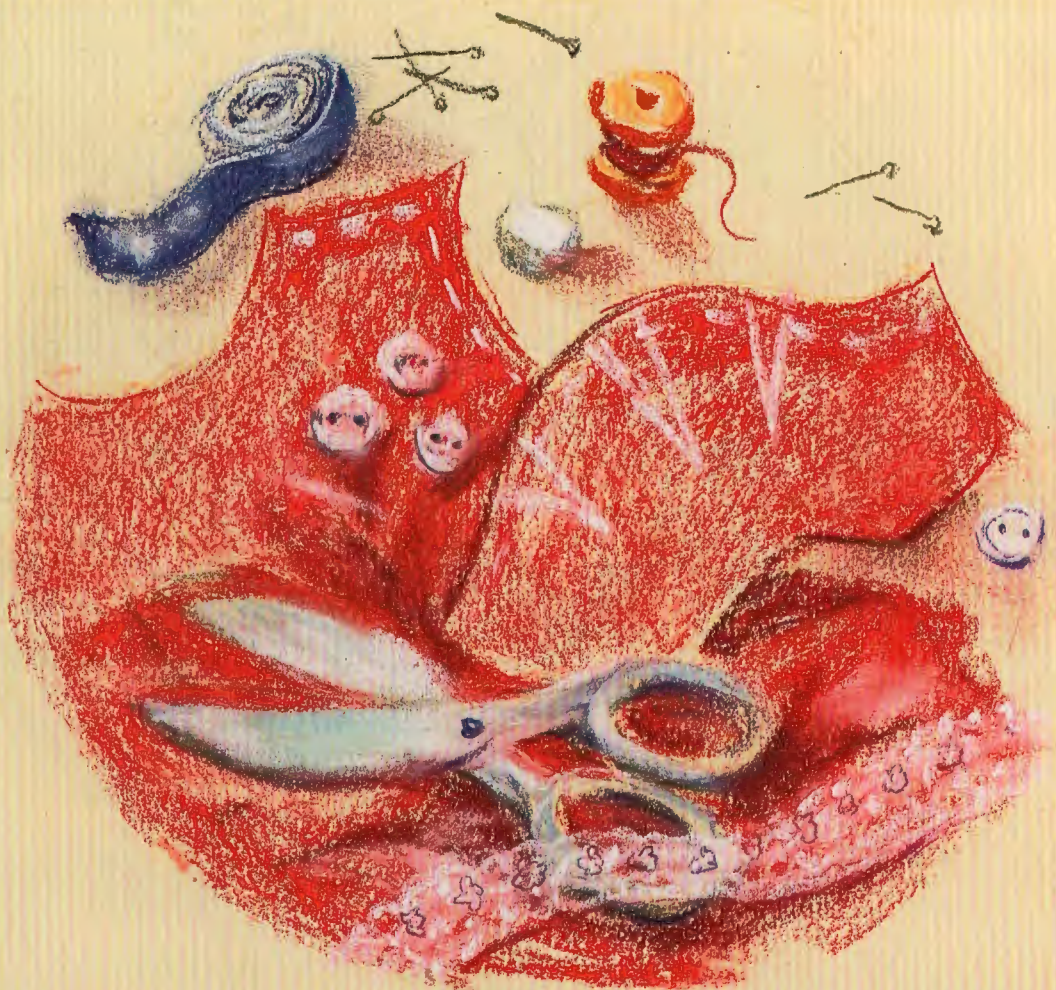
...Наконец одна мама захотела сшить своей дочке новое платье. Мама — обыкновенная, дочка тоже обыкновенная. Только очень, очень синеглазая. Таких синих-пресиних глаз, наверное, ни у кого на свете больше не было.

— Вашей дочке пойдёт голубое платье, — говорили все. — Ведь у неё синие глаза, хотя белое или, например, жёлтое тоже будет неплохо.

Но мама сказала, что хочет сшить для синеглазой дочки красное платье. Почему именно красное? Не знаю почему, но как только девочка с синими-пресиними глазами надела красное платье, всем вокруг стало светлей и радостней. Будто пришёл весёлый, разноцветный праздник. К людям пришёл.

А вот все на свете цвета — и жёлтый, и голубой, и белый, и бордовый, и остальные — так испугались, что на секунду погасли. Ведь два цвета-недруга — красный и синий — оказались рядом. Но два враждующих цвета вели себя вполне пристойно. Они друг друга, казалось, и не замечали. Им было стыдно ссориться при маленькой девочке.

Синеглазая девочка очень полюбила красное платье и надевала его часто-часто. И представь, скоро два прекрасных цвета нечаянно подружились. Кто из них первым нечаянно поздоровался, или попрощался, или сказал, что сегодня неплохая погода, — уже давно забыто. Да и не важно это. Важно, что тогда очень осторожный, самый осторожный из всех цветов, серый цвет сказал:

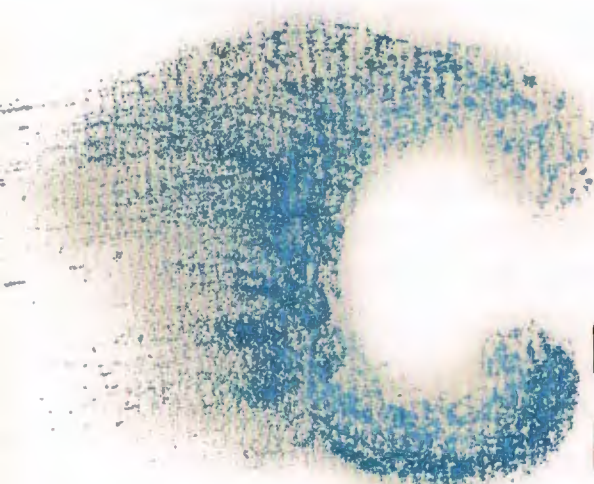
— Вы прекрасно смотрите вместе. Вы просто созданы друг для друга.

Красный и синий ответили в один голос:

— Спасибо, вы совершенно правы.

А синеглазая девочка и её обыкновенная мама, та, что сшила красное платье, даже и не знали, что помирили два самых ярких, самых сильных цвета.

КАЗКА ОБ ОСЕННЕМ ВЕТРЕ

Жил-был ветер. Сначала хорошо жил, весело. Время было жаркое, а потому везде и всюду ветру радовались... Подует ветер с поля — аромат горячих колосьев принесёт. Люди довольны. С луга ветер подует — запах скошенной травы прилетает. Снова люди довольны.

Ну а уж если с моря ветер влажную солёную прохладу принесёт — люди радуются, нарадоваться не могут.

Ветер умел делать множество вещей. Умел листать страницы книг. Правда, не всегда в нужную сторону. Умел сушить стираное бельё не хуже солнца. А ещё умел надувать парус лодки и гнать её по синему морю.

Всё у ветра хорошо получалось. И поэтому, если иногда он слишком громко хлопал окнами, никто на него не обижался. Ведь что бы делали люди жарким летом без доброго свежего ветра!

Так было летом. Но вот пришла осень. Холодная, сердитая осень. Небо затянулось тучами серыми-серыми. Дождь полил сильный-сильный. Все по домам попрятались. И люди, и кошки, и собаки, и зайцы, и волки. Вот только ветер на улице остался. Не было у него дома.

Остался ветер под холодным дождём без крыши. Летал он по холодному лесу среди облетевших, без единого листочка

деревьев. Летал ветер в поле, в поле сером, без единого жёлтого тёплого колоска. Летал над холодным морем. Не синим, как летом, было море, а серым, как осенний дождь. Летал-летал озябший ветер, а чем быстрее он летал, тем холоднее становилось.

Совсем замёрз ветер. А люди в тёплых домах спрятались.

— Попрошу людей пустить меня в дом погреться, — решил ветер. Подлетел ветер к самому красивому дому, постучал в окно.

— Пустите меня, пожалуйста! Это я, ветер! Мы летом дружили, а сейчас мне холодно.

Но люди плотнее закрыли рамы и отошли от окон.

«Они не узнали меня», — подумал ветер. Снова постучал в окно, снова пожаловался на осенний холод и дождь, снова попросил пустить его в дом погреться.

Но люди не понимали слов ветра. Им казалось, что он просто гудит за окнами. Люди не знали языка ветра. Вместо того чтобы открыть окна и пустить ветер погреться, люди вставляли вторые рамы.

— Какая непогода! Какой дождь! — говорили люди. — Какой холодный ветер!

— Я не холодный, — плакал ветер, —
я замёрзший.

Но люди его не понимали.

Вдруг кто-то окликнул ветер. Слова то звенели, как острые холодные льдинки, то казались мягкими и теплыми, как снежные одеяла. Конечно, это был голос зимы.

— Ветер, — сказала зима, — не плачь, ветер! Я подарю тебе накидку из снежинок. Лёгкую, красивую, тёплую. Ты быстро согреешься.

И зима бросила ветру накидку из прекрасных снежинок. Ветер примерил накидку и остался очень доволен. Она действительно была тёплой и красивой.

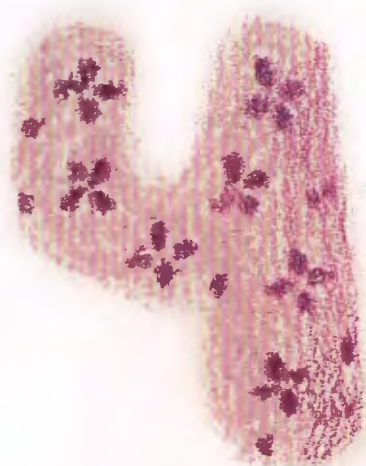
Когда люди посмотрели в окна, они увидели ветер в снежной накидке и не узнали его, таким красивым он стал.

— Красавица-вьюга, — говорили они. — Красавица-метелица!

А ветер летал по заснеженному лесу, размахивал своей прекрасной накидкой из снежинок, и было ему немножко обидно. Потому обидно было ветру, что не ему радовались люди, а красавице-вьюге.

Но это ничего. Когда-нибудь кончится зима. Растает прекрасная снежная накидка ветра. Придёт жаркое лето, и люди снова будут ждать его, свежего ветра. Будут радоваться ему, доброму ветру...

УДО-ХОЗЯЮШКА

Жила-была хозяйка. Добрая, ласковая хозяйюшка. Хлопотливая, аккуратная. Все кастрюльки, сковородки блестели у неё, как зеркальные. Скатерти были как ни у кого чистыми и накрахмаленными. А полотенца такими свежими и наглаженными, что, казалось, готовы были взлететь.

Если на одной из её многочисленных белоснежных салфеток появлялось какое-нибудь крохотное пятнышко, хозяйка приходила просто в ужас. Она замачивала и кипятила салфетку с разными порошками, отбеливала, стирала, полоскала её с таким усердием, что каким бы упрямым ни было пятнышко, оно исчезало навсегда. Рассказы о замечательной хозяйке разбежались далеко-далеко.

Однажды вечером хозяйка услышала странный звук: будто кто-то царапается к ней в дверь. Открыла — и видит: сидит огромный-преогромный, косматый-прекосматый пёс. И такой уж чёрный, что представить трудно. Сидит эта зверюга и плачет. Так горько плакала огромная собака, что хозяйюшка даже не испугалась ее.

— Что с тобой, — говорит, — собаченька, случилось? Почему ты плачешь?

— Дразнятся все, — всхлипывает пёс, — и люди, и собаки, и даже кошки!

— Дразнятся? Почему же?

— Да, понимаете, у меня хозяин весёлый... Очень уж весёлый, не подумал и назвал меня... Стыдно сказать... Снежком назвал...

Хозяйка всплеснула руками и охнула.

— А какой я Снежок? — продолжал пёс, встряхивая длинными чёрными космами. — Я слышал, вы хозяйка необыкновенная. Всё-всё можете. И отбелить, и отстирать всё на свете умеете. Может быть, вы... согласились бы... — совсем застеснялся пёс, — меня Снежком настоящим сделать?

Он осторожно посмотрел на хозяйку.

— Да я... — запинаясь хозяйка, — я никогда не стираю собак.

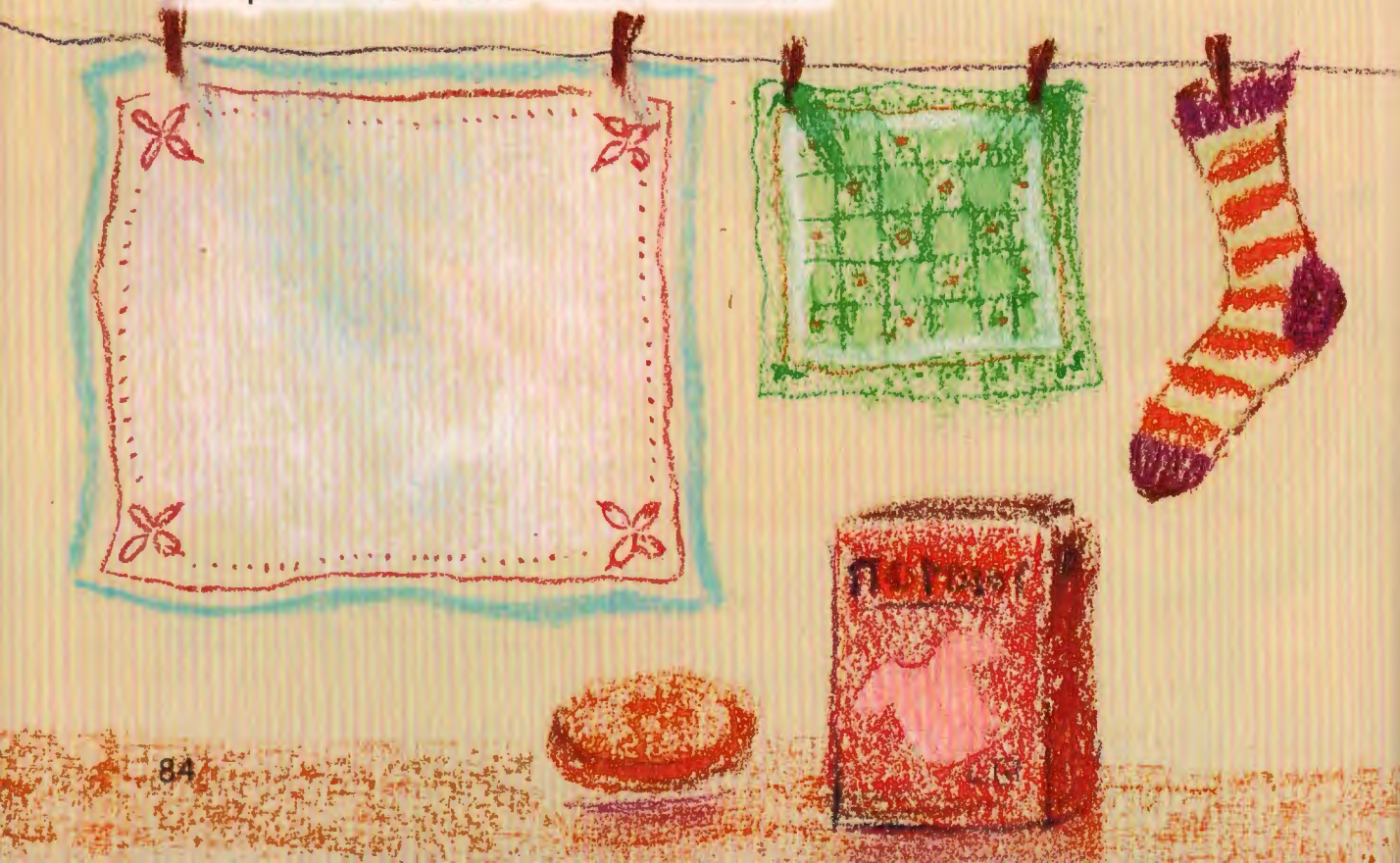
— А может быть, всё-таки попробуете? — Косматый чёрный пёс умоляюще смотрел и подвывал.

— Ну что ж, заходи. Посмотрим, что с тобой можно сделать.

Снежок нерешительно вздохнул и, осторожно ступая, вошёл в квартиру. Чистота... Порядок... Светло и уютно. Ещё чернее кажется чёрный Снежок.

Посмотрела на него хозяйка и говорит:

— Ты меня прости, пожалуйста, Снежок, но, может быть, ты просто не очень часто моешься?

— Я?! Не моюсь?! — Пёс даже взвизгнул от обиды. — Да я три раза в день моюсь специальным собачьим шампунем. А всё чёрный.

— Собачий шампунь — это, конечно, хорошо. Но если ты не против, я помою тебя другими шампунями.

— Я нисколько не против. Делайте всё, что нужно. А то ведь... даже кошки смеются! — снова всхлипнул пёс.

И хозяйка стала его мыть. Сначала жёлтым шампунем, потом зелёным, потом синим, потом розовым, потом порошками «Лотос» и «Астра», потом держала в отбеливателе «Лебедь». Потом тщательно прополоскала кипячёной водой, потом водой с уксусом. А Снежок и не думал белеть.

— Придется кипятить, — решительно сказала хозяйка.

— Да я же сварюсь! — испугался пёс.

— Не волнуйся, — успокоила его хозяйка, — не тебя, а твою шкурку кипятить буду. Шубку свою чёрную снимай.

— А как же я? А в чём же я?

— А ты пока надень вот это.

И хозяйка протянула Снежку халат: толстый, махровый, белый-белый в мелкие сиреневые цветочки. Снежок быстро сбросил шубку и влез в халат. Халат оказался в самый раз. Он так шёл Снежку, что, казалось, пёс в нём и родился.

Хозяюшка стала кипятить косматую чёрную шкурку. И опять напрасно. Ни один волосок не побелел. Расстроилась хозяйка:

— Не могу помочь тебе, собаченька.

Совсем загрустил Снежок. Уже хотел переодеваться в свою чёрную шубку-шкурку. Вдруг хозяйка задумалась о чём-то и спрашивает:

— А если ты будешь не совсем белый, а в цветочек, как этот халатик?

Снежок подошёл к большому зеркалу, долго рассматривал себя и остался очень доволен:

— Здо-о-орово! Просто замечательно! Нарядно-то как!! Эти вредные кошки завидовать будут! Только вот рукавов нет для задних лап.

— Ну, Снежок, это не беда.

Взяла чудо-хозяюшка ножницы, иголку, нитки. И вот уже готова чудесная махровая шкурка, белая с сиреневыми цветочками. Смотрится Снежок в зеркало — насмотреться не может.

А хозяйюшка аккуратно сложила чёрную шкурку, положила её в пакет и перевязала лентой.

— Захвати с собой, может быть, твой странный хозяин Угольком тебя назвать захочет.

...Так появился махровый белый пёс в сиреневый цветочек. И если ты встретишь его, он обязательно расскажет тебе о чудо-хозяйке, с которой крепко подружился.

УЖИЦА

Стояла отвратительная погода. Небо было низким, тяжёлым, снежным. На асфальте кое-где темнели последние осенние лужи. Возле одной лужицы стоял задумчивый воробей. Взъерошенный и растрепанный. Не от холода. Просто он размышлял так напряженно, что его легкие серые пёрышки зашевелились. Воробей никак не мог понять, почему те снежинки, что падают на асфальт, ложатся тонким, ровным слоем, а те, что падают в лужу, исчезают.

Почему? Ну, почему? Непонятно. Вот упала снежинка на асфальт: блестит, сверкает, а тонкий белый коврик увеличился на одну звёздочку. Вот упала снежинка в лужу: мутное пятнышко, а потом и совсем ничего. Непонятно. Погружённый в свои размышления воробей совершенно не обращал внимания на то, что происходит вокруг. А вокруг были люди, ездили машины, дрались другие воробьи. Но не это главное. Задумавшийся воробей не видел страшного кота. Это был тощий, облезлый, бродячий кот. Кот следил за воробьём из-за колеса ближайшей машины. «Сейчас, — думал кот, — прыжок — и полетят серые пёрышки».

Он собрался в комок, тугой, как пружина, и прыгнул. А воробей всё следил за снежинками и совсем не ждал нападения. Он был так занят, что даже не испугался. Слишком занимали его снежинки. Воробей махнул крылышком, попал коту в глаз и сердито сказал:

— Да не мешайте вы!

Кот опешил. У него даже аппетит пропал. Потирая поцарапанный глаз, он прошипел:

— И ты соображаешь, с кем разговариваешь?

Воробей наконец понял, что к чему, и, конечно, сразу испугался. Но виду не подал.

— Соображаю, — сказал он, снизу вверх глядя на кота. А потом снова стал следить за снежинками.

Облезлый кот распушился остатками шерсти. «Ну и ну, — рассерженно подумал он, — что же я не съел его ещё?»

Подумал так кот и сел рядом. Что-то мешало ему кинуться на воробья. Вероятно, отчаянная смелость птички. Ведь кот не знал, что воробей не улетает только от страха: забыл, что умеет летать.

— Съем ведь, — как-то нерешительно сказал кот. Воробей обреченно вздохнул. А кот вдруг заинтересовался: что это рассматривает воробей.

— Ты что в лужу уставился? — спросил облезлый кот.

— Рассматриваю, — совсем испуганно чирикнул воробей.

— Лужу, что ли, рассматриваешь?

— Да нет, — и, робко пятясь, воробей сказал: — Чудо какое-то получается. Лужа снежинки глотает.

И, испугавшись ещё больше, воробей взлетел.

А коту было уже не до воробья. Его заинтересовала история со снежинками. Он сидел возле лужицы и думал, почему так получается. Упала снежинка на асфальт — лежит, сверкает. Упала в лужу и исчезла. Почему же так? Ну, почему? Непонятно.

КАЗКА ПРО ЩЕНКА И СТАРУЮ ТАПОЧКУ

Каждый нормальный щенок точно знает, что самая замечательная вещь в мире — старая тапочка его хозяина. Потому что с ней можно играть. Можно её трепать, подбрасывать, можно рычать на неё, делать вид, что пугаешь. А тапочка будет тихонько отползать и делать вид, что боится. Правда! Щенок не сразу понял, какая прекрасная вещь старая тапочка.

Вот как было дело.

Щенок что-то скучал, что-то грустно ему было. Он поскулил, поскулил немножко и решил, что нужно хорошенько поиграть, иначе совсем грустно станет. Покрутился юлой, поймал свой хвост — только веселей не стало.

Щенок выскочил во двор, помчался к большой собаке, которая в будке.

— Собака, а собака! Давай поиграем. Одному неинтересно.

Собака высунулась из будки, устало зевнула и сказала не совсем честно:

— Нет. Не могу. Сторожить надо.

— Что сторожить?

— Ну, вообще...

— Так ведь не ночь сейчас.

— Не ночь, — согласилась большая собака, — но сторожить всё равно надо. Поиграй с кошкой.

И спряталась в будку.

— С кошкой... — грустно сказал щенок. — Попробую. — Пошёл искать кошку.

Вот она, кошка. Лежит на солнышке, глаза прищурила — хорошо ей, совсем не до щенка. А он отыскал её.

— Кошка, кошка! Поиграй со мной, пожалуйста!

— Ну что ты, — кошка рассерженно прижала уши, — что ты? Такое солнышко тёплое, — она совсем закрыла глаза, — нужно спокойно дремать, мечтать, а ты говоришь — поиграем.

— Да я не дремать-мечтать, я играть хочу! — настаивал щенок.

— Отстань, пожалуйста. — Кошка свернулась в клубок, укрыла нос кончиком хвоста. — У тебя есть хозяин. Пусть он с тобой играет.

— Хозяин, — вздохнул щенок. Он знал, что хозяин наверняка сидит в кресле, поджав ноги, сбросив тапочки, читает что-то, от чего нельзя оторваться. Так оно и было.

Щенок сел возле кресла и молча уставился на хозяина. Хозяин оторвался от книги, взглянул на щенка.

— А, бандит, явился, — ласково сказал он. — Ну, посиди со мной.

И снова уткнулся в книгу.

Щенок понял, что хоть он и явился, играть с ним хозяин не собирается. Ничего не поделаешь. Щенок немного покру-

тился и улёгся рядом. Положил мордочку на лапы, хотел за-
скулить, но услышал мягкий тёплый шёпот:

— Щенок, а хочешь, я с тобой поиграю?

Щенок даже не сразу понял, что это голос одной из хо-
зяйских тапочек.

— Это кто говорит? Это ты, тапочка? — нерешительно
спросил щенок.

— Ну конечно, я.

Тапочка была старая, поношенная, даже слегка дырявая.

— Странно, — удивился щенок. — А ты разве живая?

— Смешной ты, — тихо рассмеялась тапочка, — конечно,
живая. Смотри внимательно.

Щенок внимательно посмотрел и увидел, что у тапочки
есть два весёлых глаза, пуговка-нос и даже, кажется, хвост.
Никак нельзя не понять, что тапочка совершенно живая.

— Вот хорошо! — обрадовался щенок. — Вот хорошо, что
ты живая! Как же я раньше не заметил?

— Бывает... — вздохнула тапочка. — Ничего не поделаешь.

— И ты правда поиграешь со мной?

— Конечно! Я очень люблю играть. Только мало кто знает
об этом.

Вот так и познакомились щенок и старая тапочка. С тех
пор они часто играют вместе. Щенок налетает на тапочку,
будто хочет разорвать её в клочья. А тапочка подпрыгива-
ет, будто боится. И обоим смешно и весело. А большая со-
бака, кошка и хозяин удивляются — что это щенок так лю-
бит играть со старой тапочкой, а тапочка играет со щенком?
Вернее, оба играют, вместе. Поэтому и весело им.

УДК 82-34
ББК 84 (2 Рос-Рус)
Р93

*Исключительное право на издание книги принадлежит
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.*

Р93 РЫЖАЯ СКАЗКА. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2014. – 96 с. – (Серия
«Сказочная страна»)

ISBN 978-5-373-06020-2

ББК 84 (2 Рос-Рус)

© Абрамцева Н. К., наследники, 2014
© Козлов С. Г., наследники, 2014
© Лаврентьева Е., иллюстрации, 2014
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2014

РЫЖАЯ СКАЗКА

СЕРИЯ «СКАЗОЧНАЯ СТРАНА»

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Ответственный за выпуск Н. Памфилова
Компьютерный дизайн и верстка В. Рахмилевич

Подписано в печать 20.01.2014. Формат 84x108 ¹/₁₆. Гарнитура Прагматика.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Изд. № ОП-14-1666-СС. Тираж 3 000 экз. Заказ № к2289

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

ОЛМА Медиа Групп
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, пом. I, ком. 5.
Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,
26 км автодороги «Балтия», Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3
<http://www.olmamedia.ru/>

Отпечатано в Китае

**Добрые сказки Сергея Козлова
и Натальи Абрамцевой**

**для тех, кто верит в то, что чудо есть везде —
и в Солнце, и в старой тапочке,
и в маленькой зверюшке, и в вольном ветре.**

Ёжик в тумане

*Сказка про щенка
и старую тапочку*

*Как осень, ёжик и человечек
встретили Новый год*

Сказка об осеннем ветре

ISBN 978-5-373-06020-2

9 785373 060202

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП